Интервью • Entrevista

Мексика: 30 лет неолиберальной парадигмы

Интервью с Владимиром Михайловичем Давыдовым, доктором экономических наук, членом-корреспондентом РАН, научным руководителем Института Латинской Америки РАН, директором Института Латинской Америки РАН (1995–2017). Один из ведущих латиноамериканистов России, В.М. Давыдов является автором более 350 научных трудов. Его исследования внесли огромный вклад в изучение социально-экономических и политических процессов, происходящих в странах Латинской Америки, а также в развитие ибероамериканистики в России.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>

Интервью

Беседу вел: А.А. Габарта.

Для цитирования:

Мексика: 30 лет неолиберальной парадигмы. *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(1): 28–35. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>.

Материал поступил в редакцию: 29.05.2020

Принят к публикации: 25.06.2020

ИТ: По распространенному мнению, начиная с 1982 года Мексика постепенно начала отходить от госкапиталистической модели экономического развития к поиску новой модели роста. Что, на Ваш взгляд, побудило тогдашнее мексиканское руководство начать реформировать национальное хозяйство с использованием неолиберальных рецептов?

Давыдов: С одной стороны, общество было не удовлетворено результатами предыдущего развития, экономика начинала буксовать. Вторая причина содержится в пословице «Бедная Мексика – слишком далека от Бога и слишком близка к Соединенным Штатам». А там начался поворот к неолиберальной парадигме. Было бы наивно полагать, что изменения идейного климата в американской науке и экономической практике не повлияли на Мексику.

Могу засвидетельствовать это собственными воспоминаниями, потому что в 1980-е годы я несколько раз выезжал в Мексику для продолжительной исследовательской работы, принял участие в крупных международных форумах. Помню и хорошо знаю академический мир Мексики – особенно лидеров общественных наук, которые работали в 1970-х годах в Национальном автономном Университете Мексики (Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM), в Университетском Колледже (El Colegiode México) и в Центре экономических и социальных исследований стран третьего мира, созданном Луисом Эчеверриа, которые доминировали тогда в интеллектуальном мире Мексики. И надо сказать, что в 1980-х годах участие моих хороших знакомых в публичных дебатах, в закрытых академических дискуссиях резко сократилось. Молодое поколение обществоведов, экономистов сдвинулось в сторону неолиберальных представлений. Это была в определенном смысле реакция на изменение интеллектуального, идейного климата в общественных науках в мировом масштабе.

Напомню, как долго неолиберальный подход оставался в рамках академической среды. Милтон Фридман, основатель школы монетаризма, много работал и получил Нобелевскую премию в основном за труды 1950–1960-х годов, но лишь в конце 1970-х неолиберальная трактовка современных экономических процессов перешла в экономическую политику, в экономическую практику.

Страны Латинской Америки были в числе пионеров, применивших этот подход, о чем свидетельствует 1975 год в Чили. Если говорить о наиболее развитых странах мира, то в 1979 году Маргарет Тэтчер довольно резко повернула корабль британской экономики в эту же сторону. Потом за нею последовали Соединенные Штаты при Рональде Рейгане, который был избран в 1981 году и правил до 1989-го. Не могу сказать, что «рейганомика» была квинтэссенцией неолиберализма. В Америке были свои ограничения и сдерживающие моменты. Американская политика была более консервативна, чем политика, которую осуществляла Тэтчер. Она была большим радикалом, на мой взгляд, чем Рейган. И в ЕЭС чаша весов существенно склонилась в ту сторону. На рубеже 1980-х – 1990-х годов неолиберальные принципы применялись и в нашей стране.

В конце 1980-х Мексика внесла очень значительный вклад в это движение. Ее интеллектуальный потенциал оказался своего рода перевертышем, в том смысле, что от социал-реформистских и социал-демократических, и иногда лево-радикальных воззрений, произошел резкий сдвиг – теперь уже к радикализму неолиберального толка. Сначала это чувствовалось только в академической среде, но затем распространилось и на позиции политических деятелей.

Мне довелось познакомиться с Карлосом Салинасом де Гортари¹. В 1988 году я приехал на международный форум, который созывался в связи с продвижением кандидатуры Салинаса де Гортари на пост президента. Это было предвыборное шоу международного масштаба. На мероприятие должен был ехать академик Абел Аганбегян, который в тот период являлся помощником президента Горбачева по экономическим вопросам. Но из-за XIX партконференции (XIX всесоюзной партийной конференции КПСС – ред.), на которой должны были решаться, как предполагалось, судьбоносные вопросы партии и страны, Аганбегян вынужден был остаться в Москве. Я же тогда находился в научной командировке в Мексике, и наш посол Ростислав Александрович Сергеев решил, что заменять Аганбегяна буду я, так как я был экономистом. И вот неожиданно из обычного академического стажера я превратился в довольно важную персону. Когда начался этот форум, Карлос Салинас де Гортари, выступавший в роли модератора, посадил меня по правую руку от себя, а слева от него оказался Мартин Стюарт Фелдстайн, который был в те годы руководителем Федеральной резервной системы Соединенных Штатов. Конечно, я не претендовал на роль носителя неолиберальных взглядов – это и не соответствовало моим убеждениям. Соответственно, свое выступление построил таким образом, чтобы попытаться проинформировать аудиторию об основных изменениях в социально-экономической сфере нашей страны, показать причины изменений и их возможные последствия. Советский Союз в конце 1980-х годов стал модным из-за горбачевской перестройки, был привлекательным примером перемен в мировом масштабе. Даже в Мексике перестройка Горбачева была модной. Неслучайно, когда Салинас де Гортари впоследствии пришел к власти, его экономическая практика в мексиканской публицистике была названа «салинастройкой».

На форуме, конечно, доминировали такие фигуры, как Мартин Фелдстайн и другой известный американский экономист-теоретик Рудигер Дорнбуш. Все это было очень интересно и полезно для понимания происходящего. И я убедился тогда, что молодое поколение мексиканских ученых сдвинулось в направлении неолиберальной моды.

1 Президент Мексики в 1988–1994 годах.

Тогда еще трудно было говорить о практической применимости соответствующих постулатов к Мексике. Это было сложное время глобального перехода. Готовилось то, что впоследствии вылилось в так называемый Вашингтонский консенсус. А 1980-е годы – время проб и ошибок, и хотя наступление неолиберальных взглядов чувствовалось, но говорить об их победе тогда еще не было оснований. Была некая переходная ситуация.

Окончательный сдвиг произошел где-то к концу 1980-х годов, и, наверное, правильно это связывают с Вашингтонским консенсусом. 1980-е годы – это период проб и ошибок, кризис госкапитализма, госкапиталистических рецептов, госкапиталистической практики. В 1980-е годы латиноамериканские страны, в том числе и Мексика, находились в очень тяжелом положении. Особое значение приобрел груз внешней задолженности. В 1985 году Фидель Кастро выступает с лозунгом «*La deuda externa es impagablee incobrable*»¹. Несколько латиноамериканских стран фактически входят в русло дефолта. Вспомним Перу Алана Гарсии. Думаю, и Мексика вызвала очень серьезные сомнения в международных финансовых кругах в силу того, что она не могла найти формулу адаптации к новым условиям развития.

С одной стороны, 1980-е годы – это время, которое Экономическая комиссия ООН называла потерянным десятилетием. С другой, в латиноамериканском экономическом словаре, и не только там, под этой рубрикой появился термин «ajuste», то есть отладки. Речь еще не шла о том, что были готовые, сформулированные рецепты неолиберальной политики. И в Аргентине, и в Чили при Пиночете пришлось отступить от прежнего радикализма, от масштабного перехода к неолиберальным рецептам. 1982-й стал годом страшного кризиса. Он фактически обернулся фиаско экономической модели, построенной по «вульгарным» неолиберальным рецептам в Чили. Пиночет, который был не бог весть каким специалистом в области экономики, решил «дать задний ход» и вернуться к рычагам государственного контроля ключевых отраслей экономики: меднорудной промышленности и банковской сфере. Это был серьезный откат от представлений неолиберализма, связанных с отрицанием роли государства и минимизацией его функций.

В Мексике в 1980-е годы тоже шли острые дебаты. Мексиканские ученые нового поколения, поддавшиеся неолиберальной моде, участвовали в собраниях, организованных Джоном Уильямсоном, который работал в Институте международной экономики в Вашингтоне и периодически собирал там светил экономической науки из Латинской Америки.

Еще одной ключевой фигурой того периода был Педро Пабло Кучински, впоследствии вышедший на авансцену Перу в качестве президента. В 1980-х годах у него была большая управленческая практика, он был признанным авторитетом в экономической науке праволиберального толка.

Только в 1989 году проявился результат этих дебатов и собраний праволиберальных «яйцеголовых», которые критически оценивали период «ajuste», экономической отладки, политики проб и ошибок, в том числе и на мексиканском материале. В англоязычной экономической науке есть термин adjustment – так что 1980-е годы были периодом «эджастмента» экономической политики во многих странах.

Только в конце 1980-х годов были более или менее сформулированы, синтезированы неолиберальные принципы. В 1989 году были составлены рекомендации Вашингтонского консенсуса, который впоследствии на левом фланге был избран в качестве своего рода «мальчика для битья» – во всех писаниях левых радикалов он фигурирует именно так. Разумеется, это все битвы с ветряными мельницами. Вокруг Вашингтонского консенсуса оказалось слишком много мифов. Ему приписывалось и то, чего

он в действительности не постулировал. Об этом нужно говорить всерьез, потому что в российской публицистике Вашингтонский консенсус зачастую подается очень искаженно. Могу судить об этом потому, что и сам участвовал в мероприятиях, проводимых Энрике Иглесиасом, занимавшим в то время пост президента Межамериканского банка. У меня сложились с ним хорошие отношения. Он пригласил меня на крупный форум, проходивший в 2003 году в Милане, где собрались «отцы» так называемого Вашингтонского консенсуса. Уже тогда прозвучала серьезная критика. После этого я написал свою работу «Эффект адаптационных реформ», изданную в 2004 году. То была работа на живых впечатлениях.

Но вернемся к Мексике, потому что именно она сегодня предмет нашей беседы. Вашингтонский консенсус в его версии конца 1980-х годов – это был все-таки «вульгарный неолиберализм». «Вульгарность» порождала много рисков для тех, кто взял на вооружение соответствующие концепции. В этом смысле Мексика оказалась показательным примером.

Неолиберальный поворот был омрачен двумя печальными событиями. Одно событие – когда Салинас де Гортари и его команда были разоблачены как люди, поощрявшие коррупцию и сами участвовавшие в ней. Салинас де Гортари, в итоге, был подвергнут судебному процессу. А ведь именно он персонифицировал неолиберальный поворот. Второе событие – 1994 год, ставший экзаменом для неолиберального курса в Мексике, экзаменом, который обернулся крахом, тяжелейшим кризисом, когда мексиканскую экономику пришлось спасать всем западным миром. Мексике тогда пришлось предоставить рекордный объем финансовых ресурсов в качестве помощи – более 40 млрд долл., по тем временам сумма колоссальная, беспрецедентная. Этот кризис впоследствии называли «Efecto Tequila». Позже в мировой общественной науке это клише закрепилось как несостоятельность неолиберальной политики, ее перебор. Кризис свидетельствовал о состоявшейся в Мексике утрате экономической безопасности. В системе контроля мексиканской финансовой системы были устранены так называемые красные лампочки, сигнализовавшие об опасных тенденциях. Демонтаж защитных механизмов привел к тому, что краткосрочный капитал, так называемые быстрые деньги, стал покидать Мексику в момент, когда ее экономика стала демонстрировать признаки заболевания. Если раньше инвестиционный процесс был связан с реализацией долгосрочных проектов, долгими обсуждениями, принятием решений, а капитал был связан с материальной средой, то есть деньги имели множество якорей, которые держались за дно национальной экономики, то сейчас все это оказалось демонтированным, и в момент началось бегство краткосрочного капитала. Король мексиканской экономики оказался голым. «Efecto Tequila» стал первым симптомом уязвимости радикальных неолиберальных практик.

Я думаю, что после 1994 года, после ликвидаций его последствий завершился период «вульгарного неолиберализма». Начали вводиться серьезные коррективы в неолиберальную практику. Те, кто тогда стоял у руля экономического курса, начали проводить поэтапную ревизию прежней политики. Мексика стала отходить от радикализма и «вульгарности», но в экономике оставалось немало уязвимых моментов, которые сказываются и по сей день.

ИТ: Что было не так с мексиканской экономикой в 1990-е годы? В чем заключались основные «дефекты» неолиберальной модели?

Давыдов: Это, прежде всего, защитные механизмы экономики. Мексиканская экономика была выставлена на волю ветров – тех ветров, которые несли кризисные импульсы в мировую экономику. При этом тогдашняя неолиберальная модель в латиноамериканских странах реализовывалась уже в усовершенствованном виде – то, что позже стало называться «поствашингтонским консенсусом». Но даже в таком виде этой модели не хватало механизмов стабилизации. Она более или менее функционировала в периоды стабильного развития. Но мировая экономика развивается циклически, и когда начинается нестабильность, механизмы открытости – механизмы ухода государства от ответственности, перевод на рельсы приватизации стратегических отраслей – начинают давать сбои.

Следует признать, что неолиберальная модель в ее поствашингтонской фазе свидетельствует о хороших экономических технологиях, антиинфляционной борьбе, рациональном построении налоговой системы и об определенном усилении финансовой дисциплины в государстве. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что с началом «левого поворота» в странах Латинской Америки, который мы наблюдали в первой декаде XXI века, правительства левой ориентации не отказывались от этих неолиберальных технологий. То есть для них они уже как бы не были неолиберальные, а просто исходящие из здравого смысла. То есть когда неолиберализм накопил определенную практику, он дал немало практических решений, которые соответствовали здравому смыслу. Потому огульная критика неолиберализма, на мой взгляд, не имеет оснований. Нужно подходить дифференцированно, вычленив как положительные уроки неолиберальной практики, так и отрицательные.

ИТ: Как спустя 30 лет относятся в Мексике к Карлосу Салинасу де Гортари?

Давыдов: Он ушел бесславно, прямо скажем. Сейчас острота восприятия поугасла: время, как говорится, лечит, но в мексиканской истории последних десятилетий он остается со знаком минус.

ИТ: Как вы думаете, почему в отличие от других стран Латинской Америки Мексика уже на протяжении более 30 лет следует неолиберальной парадигме, почему она не поддавалась соблазну, как Аргентина, Бразилия и другие страны, начать искать «третий путь»? Или, может быть, это произойдет при новом президенте?

Давыдов: Не склонен к огульной критике неолиберализма. В этой концепции есть технологические решения, которые соответствуют здравому смыслу. Мировая практика такова, что ни одна из ключевых моделей, которые сейчас действуют в социальной и экономической практике, не продемонстрировала абсолютно убедительных преимуществ. Поэтому, думаю, требуется и наиболее приемлемый путь некой конвергенции, попытка сочетать рыночные механизмы и централизованное государственное участие.

При этом я против традиционных споров правых и левых. Левые безапелляционно выступают за государство, правые за частный сектор – но и те, и другие зачастую забывают о конкретном. Государство может быть прогрессивным, хорошо организованным и модернизированным, а может быть архаичным; может быть заражено коррупцией, криминалитетом, может быть подчинено внешним силам, которые не склонны учитывать национальные интересы, и потому нет смысла ратовать за такое государство. И наоборот, част-

ный сектор может быть прогрессивным, предпринимательство может быть инициативным и социально ответственным. Это один случай. Но немало у нас ситуаций, когда частный сектор завязан на коррупцию, на криминал, на теневые деньги – тогда нет оснований его защищать и делать на него ставку. Поэтому нам нужна ревизия наших былых представлений и справа, и слева; нам нужно приближение к здравому смыслу – не только к экономической, но и социальной эффективности; нужно восстанавливать и культивировать критическую этику жизни и развития.

ИТ: В 1994 году Мексика вступила в НАФТА. Как это отразилось на развитии национального хозяйства? До сих пор не утихают споры между сторонниками и противниками данного соглашения.

Давыдов: Думаю, есть основания и у тех, и у других. Свидетельством является известная статья Хорхе Кастаньеда. Этот крупный политический деятель в прошлом занимал пост Министра иностранных дел (2000–2003). Первоначально он сделал карьеру в левом лагере, но потом отошел от него; и сегодня нельзя однозначно сказать, к какому флангу он принадлежит. Кастаньеда провел анализ десятилетних итогов НАФТА, выступил в 2004 году с большой статьей, которая была в то время очень цитируема, имела широкий резонанс. Кастаньеда пришел к выводу, что баланс участия Мексики в НАФТА нулевой, то есть плюсы и минусы взаимно погашаются. Думаю, он близок к объективной оценке того, что произошло. Мне кажется, что экономическая интеграция и взаимозависимость, конечно, больше в пользу Соединенных Штатов, а не Мексики.

В минувшем году имели место ревизия НАФТА и небезуспешная попытка Дональда Трампа пересмотреть этот тройственный договор в пользу Америки. Не думаю, что США получили в результате все пряники, нет. Другое дело, что завершение переговоров по пересмотру НАФТА пришлось на момент избирательной кампании Андреса Мануэля Лопеса Обрадора и его прихода к власти. Строго говоря, при формировании новых договорных основ этого интеграционного объединения Лопес Обрадор не имел возможности оказывать серьезного влияния и не стал этого делать ни в ходе электоральной полемики, ни после победы. Тот факт, что новая администрация Мексики де-факто согласилась с ревизией, свидетельствует о том, что правительство Лопеса Обрадора вынуждено быть прагматичным. Он понимает, что не может сильно раскачивать лодку мексиканской экономики. Будучи связанной с американской, она не сможет выдержать такого неконформизма. И Лопес Обрадор, будучи человеком, который критически относится к сформировавшимся связям с США, одновременно понимает, что Мексика не может себе позволить эту роскошь – рвать и ухудшать отношения с Соединенными Штатами, ухудшать условия допуска мексиканского капитала, мексиканских товаров и услуг на американский рынок. Это слишком большая роскошь. Здесь Лопес Обрадор, как и во многих других ситуациях, демонстрирует осторожность и здравый смысл.

ИТ: Как Вы думаете, смогли ли ТНК и прямые иностранные инвестиции поспособствовать модернизации мексиканской экономики?

Давыдов: Эффект модернизации налицо. Но он имеет место в определенном сегменте. Это не комплексная модернизация страны и движение широким фронтом. Неравномерность внутреннего развития и территориальная неравномерность существенно увеличились, усилился разрыв между территориями динамичного и передового развития и отстающими. Это вызов для Мексики, причем вызов социальный.

ИТ: В 2000–2012 годах президентами Мексики были представители Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN). Какой вклад в социально-экономическое развитие Мексики внесли президенты Висенте Фокс и Фелипе Кальдерон? Были ли внесены какие-либо существенные изменения в модель? Как они запомнились в истории Мексики?

Давыдов: В какой-то мере да. Но я избрал бы уже упомянутый метод Хорхе Кастаньеда. Он не склонен говорить только за здоровье или только за упокой. Жизнь многогранна, и экономическая политика тоже. Неолиберальные рецепты совершенствовались в это время, но, несомненно, они имели свою темную сторону. Эту темную сторону и акцентируют сейчас во всем мире.

Но мы должны признать, что Мексика смогла совершить в последние десятилетия немало успешных реформ и преобразований. Она диверсифицировала экономику, смогла зацепиться за новые динамично развивающиеся рынки на мировой арене, в том числе рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. При всей сложности отношений с Китаем прошлой администрацией все-таки был найден некий модус вивенди с КНР, всестороннее стратегическое партнерство. Мексика согласилась с присутствием китайского капитала и товаров на своем рынке, но вместе с тем смогла добиться определенных гарантий по сбыту на китайском рынке не только нефти, но и промышленной продукции.

Это было сделано очень умело и профессионально. Другое дело, что Мексика в эти две легислатуры упустила Латинскую Америку. И в ее мозговых центрах, и в правительстве звучит критика по этому поводу.

ИТ: Каким образом проблема наркотрафика тормозит экономическое развитие страны?

Давыдов: Ключевая тема, с которой сталкивается администрация Лопеса Обрадора, – колоссальные, нарастающие масштабы преступности, завязанной на наркотрафике, а также масштабный бандитизм. Это боль всего мексиканского народа, всего мексиканского общества. Лопес Обрадор, конечно, понимает, что в условиях его страны «убить дракона», по известной пьесе Шварца, – это победить преступность. Причем преступность транснациональную. Это не только некое число мексиканских кланов. Это слаженный механизм преступных кланов Соединенных Штатов и Мексики. Они друг без друга не существуют, у них очень сложное разделение функций с использованием высокого менеджмента и цифровой экономики. Это передовой сектор и американской, и мексиканской подпольной экономики. И мы должны относиться к нему именно как к таковому, а не в соответствии с нашими представлениями о 1930–х годах и стиле Аль Капоне. Это совершенно иная реальность, и бороться с ней гораздо сложнее. Для Лопеса Обрадора сейчас это самый серьезный вызов.

ИТ: Не так давно Вы написали монографию «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении)». Кто все же является лидером в Латинской Америке: Мексика или Бразилия? Каковы отличия между мексиканской и бразильской моделями?

Давыдов: Надо сказать, что между этими странами существуют ощутимые отличия, их экономики сильны каждая по-своему. В монографии, написанной в соавторстве с А.В. Бобровниковым, мы пришли к выводу, что Мексика более энергично продвигается вперед по пути модернизации, но на менее узком фронте. Развитие же и модерни-

зация Бразилии и ее экономики идет чуть-чуть медленнее, но более широким фронтом. Вот одно из существенных различий. Обе страны обречены играть значительную роль в мировом масштабе. Бразилия, в частности, решила действовать через БРИКС. Уверен, что Мексика еще найдет свой рецепт. Ведь это экономика 130 миллионов потребителей с серьезной промышленной базой.

Мексика экспортирует автомобили и автозапчасти в больших масштабах на американский рынок. Она также экспортирует электронику. Конечно, в значительной степени Мексика связана с вложениями американского капитала, но не только. Она уже сама вырастила, сформировала собственные капиталы, которые участвуют в самых современных отраслях промышленности.

В социальном отношении обе страны весьма уязвимы. Думаю, что криминальная ситуация – один из самых крупных раздражителей и дестабилизирующих факторов в мексиканских условиях. Если администрация Лопеса Обрадора не сможет хотя бы ограничить масштабы криминалитета, она рискует уйти с исторической сцены со знаком минус. Первые меры, которые администрация предпринимает на этом направлении, пока не принесли результатов. Речь идет о создании национальной гвардии и ее мобилизации на борьбу с криминалом. С управленческой точки зрения, очень много не слишком грамотных решений. Пока ситуация очень тревожная. Я хотел бы это подчеркнуть, потому что не замечать этого нельзя.

ИТ: И все-таки кто является лидером в Латинской Америке: Мексика или Бразилия?

Давыдов: Я думаю, что была Бразилия, но она потеряла лидерство. Бразилия потеряла моральный авторитет, а Мексика его приобретает, в частности, в том, что касается ее сбалансированной позиции, как в случае с реакцией на венесуэльский кризис. Она инициировала «трек Монтевидео», попытку компромиссного решения, не стала поддерживать довольно радикальную позицию «Группы Рио», которая выступила против администрации Николаса Мадуро. Мексика благоприятствует переговорному процессу, который происходит сейчас между оппозицией и администрацией Мадуро.

ИТ: Большое спасибо за Ваше время и внимание к читателям нашего журнала.

Mexico: 30 years of neoliberal paradigm

Interview with Vladimir Mikhailovich Davydov, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (1995–2017). Being one of the leading specialists in Latin American studies in Russia, Dr. Davydov is the author of more than 350 research papers. His works made a huge contribution to the study of socio-economic and political processes taking place in Latin America, as well as to the development of Iberoamericanism in Russia.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>

Interview

The interview was conducted by:
A.A. Habarta.

For citation: Mexico: 30 years of neoliberal paradigm. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 1 (2020): 28–35. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-28-35>.

Received: 29.05.2020

Accepted: 25.06.2020